

of proverbs and sayings is substantiated. The data on the content of the electronic dictionary entries as well as on tools that help to optimize work with paremiological material are systematized.

Keywords: human, world, values, dictionary, thematic dictionary, electronic paremiological dictionary, dictionary structure, dictionary tools.

УДК 811.161.1'373.612.4:398.9

Е. В. Огольцева

МУЖИК И БАБА В РУССКИХ ОЦЕНОЧНЫХ ТАВТОЛОГИЧЕСКИХ ФРАЗЕОКОНСТРУКЦИЯХ С ТВОРИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологизированные тавтологические конструкции, образованные по модели N-1+N-5. Выявляются основные признаки таких структур: тавтологичность, оценочность, экспрессивность, связь с системой устойчивых сравнений и метафор. На материале Национального корпуса русского языка проанализированы основные коммуникативно-прагматические функции конструкций *баба бабой* и *мужик мужиком*, детерминируемые культурно значимыми ценностями языкового коллектива.

Ключевые слова: оценка, фразеологизированные конструкции, тавтологические конструкции, модель, творительный падеж, синтаксически обусловленное значение, метафора, устойчивое сравнение.

Разговорная речь характеризуется исключительным разнообразием колоритных фразеологизированных конструкций оценочного характера. Одна из наиболее распространенных и весьма продуктивных фразеоконструкций – модель «N-1+N-5»: *бродяга бродягой, коза козой, баба бабой, дура дурой, болван болваном, свинья свиньей* и т. д. Очевидно, что лингвистический статус подобных конструкций пока не определен: они явно балансируют между устойчивыми и свободными, языковыми и речевыми образованиями. По отношению к подобным структурам можно было бы употребить термины «квазифраземы» или «полуидиомы» [1]. В большинстве случаев перед нами конструкции высокоэкспрессивные, пейоративно окрашенные, выражающие отрицательное впечатление или суждение человека о других или о самом себе: «– *Хорошее лекарство. Спишь всю ночь до самого утра, только на другой день ходишь как недоваренный. Зеваешь, ни с кем не ссоришься, ни от чего не радуешься, почти спишь на ходу. Короче говоря, чувствуешь себя болван болваном* (Ю. В. Красавин. Тропинки нашего детства); «*Не принято у нас, у дураков, никаких нежностей. Маленькие ещё, куда ни шло, можем приласкаться, но как в возраст вошёл – шабаш, бука букой*» (В. П. Астафьев. Последний поклон).

Лексическое наполнение данной модели чрезвычайно разнообразно. Может показаться, что рассматриваемые конструкции всегда формируются экспрессивно-оценочными существительными с коннотативным лексическим значением (случаи, когда оценочные коннотации входят в семантическую структуру в качестве неотъемлемого компонента): *болван болваном, стерва стервой, подлец подлецом, идиот идиотом, дура дурой, остолоп остолопом* и т. д. Однако факты опровергают это ложное впечатление. В подобных структурах, как правило, используются вовсе не оценочные лексемы, а нейтральные в своих прямых значениях, но характеризующиеся яркими фоновыми семами, потенциально заложенными в их семантике и лишь ждущими подходящего случая для своей реализации. У некоторых подобных слов есть переносно-метафорические (в том числе закрепленные в толковых словарях) значения: *акула* ('об очень прожорливом, жадном, хищном человеке'), *лиса* ('о хитром, лицемерном человеке'), *дуб* ('о тупом, несообразительном человеке'), *бульдог* ('о человеке с квадратным по форме и некрасивым лицом') и т. д. Источником коннотации в подобных случа-

ях является скрытое сравнение, в структуре которого в качестве образа (компонента В) выступает, как правило, наименование человека или животного, с которым языковое сознание ассоциирует эталонное проявление соответствующего качества. Коннотации в данном случае проявляются опосредованно – через образ сравнения. Органическая связь существительных, регулярно реализующих качественно-оценочные значения, и сравнения в разных его формальных вариациях совершенно очевидна: «Образные ассоциации, лежащие в основе выражения отрицательной оценки нейтральными существительными, возникают за счет сравнения, сходства. При оценке, основанной на сравнении, существительное в функции сказуемого сохраняет в своем значении один качественный признак» [2, с. 73].

Практически каждое из таких существительных встречается в текстах в качестве метафоры, употребляясь преимущественно в функции слова с синтаксически связанным значением [3]. И существительные, переносные значения которых обусловлены определенной синтаксической позицией, и тавтологические оценочные конструкции с творительным падежом в предложении всегда выступают в функции предиката. Однако очевидно и глубокое различие между такими оценочными суждениями, как *Их начальница – змея* и *Их начальница – змея змей*: второе экспрессивнее, выразительнее, «категоричнее».

В рассматриваемых структурах нельзя не отметить явное преобладание существительных одушевленных над неодушевленными, конкретных – над отвлеченными. Из всех лексико-семантических групп наиболее продуктивны в качестве компонентов подобных полуклише наименования лиц (*сапожник сапожником, босяк босяком, фокусник фокусником, аристократ аристократом, холол хололом*), сверхъестественных существ (*ведьма ведьмой, ангел ангелом, богиня богиней*), животных (в том числе млекопитающих, птиц, насекомых, земноводных, рыб: *зверь зверем, волк волком, баран бараном, медведь медведем, аист аистом, вола воблой, змея змей, крыса крысой, боров боровом, петух петухом*).

Из неодушевленных существительных, по нашим наблюдениям, преобладают слова двух семантических групп: наименования веществ и названия мест (помещений, вместилищ): *воск воском* (о бледно-желтоватом цвете лица человека); *атлас атласом*, *бархат бархатом* ('о мягкой, нежной коже человека'); *бирюза бирюзой* ('о синих глазах'), *базар базаром* ('о шумном месте, в котором все говорят беспорядочно, не слушая и перебивая друг друга'), *баня баней* ('об очень жарком, душном месте'), *гроб гробом* ('о тесном, темном и мрачном, вытянутом в длину, глухом помещении'), *болото болотом* ('о затхлом месте, в котором находятся – живут или работают – люди с косными взглядами, в котором невозможны никакие перемены') и т. д.

В качестве образа такого сравнения-редупликации выступают, как правило, слова, несущие с собой отрицательную оценку. Однако возможны и случаи с нейтральной оценкой, сравн. *араб арабом* ('о смуглом, сильно загоревшем человеке'), *артист артистом* ('о человеке, который любит быть в центре внимания, смешить или развлекать окружающих'). Относительно редко встречаются примеры наполнения данной модели образами с явно положительной эмоционально-экспрессивной окраской: *куколка куколкой, ангел ангелом* и т. д.

Рассматриваемые нами конструкции не получают системного лексикографического описания. В толковых словарях они представлены лишь спорадически, причем, как правило, без толкований. К примеру, ССРЛЯ помещает единицу **свинья свиньей** в статье существительного **свинья** после основной части словарной статьи, во фразеологической зоне: < С в и н ь я с в и н ь ё й. – Куда тебе деньги тратить, дома живёшь свинья свиньей, никого не принимаешь. Пушкин. Дубровский. <...> [4, с. 375]. Фразеологические словари и словари устойчивых сравнений тоже, как правило, не фиксируют подобные конструкции, за исключением «Словаря сравнений русского языка»

В. М. Мокиенко [5]. В этом словаре нашли отражение некоторые сочетания рассматриваемой модели, причем толкуются они идентифицирующим способом, через соотносительные с ними устойчивые сравнения: *'бирюк бирюком. Народн. То же, что как бирюк'*; *'мужик мужиком. Прост. Неодобр. То же, что как мужик'* [5, с. 33; 261].

Рассмотрим более подробно два тавтологичных полуклише: сочетания *баба бабой* и *мужик мужиком*. Выражение *баба бабой* представлено в Национальном корпусе русского [6] языка шестью примерами (учитывались основной, акцентологический, газетный, диалектный подкорпусы). Эти примеры свидетельствуют о том, что данное выражение может характеризовать как женщину, так и мужчину: 1) *Но на сей раз Полосатов решил заменить Марианну полностью: напялил на себя её платье, надел парик, ресницы наклеил. Вышел баба бабой, только сутулый и косолапый, а тигры его не узнали: налетели, содрали одежду. Еле ноги унес! Говорят, в Киевском цирке все до сих пор ржут, как ненормальные, когда вспоминают эту сценку* [Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998–2004)]; 2) *Эта жена Надя была ещё моложе Ленки, ей вообще было восемнадцать лет, а дать ей можно было пятнадцать, худая, тонкая, рыжая, испорченная по виду школьница, на это только и мог клюнуть Андрей, который давно был известен благодаря болтливости своей казённой жены Анюты как полный импотент, которому ничего не нужно. Испорченная-то Надя испорченная, но вышла замуж и стала баба бабой, откроет пасть эта нимфетка и поёт: то-то она сварила, так-то Андрей пил и она его не пускала больше пить, то-то они купили* [Людмила Петрушевская. Свой круг (1987)]. Если в первом примере выражение *баба бабой* выступает как характеристика мужчины, ставшего похожим на женщину по внешним признакам (благодаря переодеванию в женскую одежду), то во втором это же выражение предстает как характеристика изменившегося характера и поведения девушки, вышедшей замуж и почувствовавшей себя женщиной, женой.

Третий случай, представленный в Национальном корпусе русского языка, радикальным образом отличается от предыдущих. Это омонимичное безобразное выражение, которое объединяет с редупликативной оценочной характеристикой лишь одно: оба случая представляют собой фразеологизированные конструкции, образованные по общеязыковой модели и характерные для разговорной речевой стихии. Структурное различие сопоставляемых единиц состоит в том, что вторая представляет собой полуклише с устойчивой первой частью и свободным «продолжением», начинающимся противительным союзом: *баба бабой, а (но...)*. Общую семантическую функцию, присущую подобным единицам, можно определить так: «некто (или чьи-л. признаки) представлены как несущественные и противопоставлены другим, более значимым субъектам или иным, более существенным признакам»: *Ну и правильно, сказал седой. Баба бабой, а жена – это серьезно. Да и нам удобней. Любочка-то ваша и сама кое-что знает, может, и подскажет нам, что вы там в нежном бреду в постели болтали...* [Александр Кабаков. Сочинитель (1990–1991)].

Важно отметить, что редупликативные выражения рассматриваемого типа образуются в основном повтором одушевленных существительных и, соответственно, характеризуют человека. В относительно редких случаях наблюдаем использование подобных конструкций по отношению к веществу: *Отфыркиваясь по-телячьи / Слепой пузырчатой ноздрей, / Сопит, одышкой горячий, / Чванливый хлебный домострой. Толчётся в кадке (баба бабой), / Сырые бухнут телеса, / Пока в утоне сладкой, слабой / Тяжелый гриб не поднялся. И вышлепнутый на лопату, / Залакированный водой, / В сиянье зоба, сам зобатый / С капустной прется бородой* [В. И. Нарбут. Хлеб «Отфыркиваясь по-телячьи...» (1915)]. В этом контексте выражение *баба бабой* употреблено по отношению к тесту, которое шевелится, «отфыркивается», сопит, тяжело дышит, уподобляясь бабе.

Интересно, что в некоторых фрагментах анализируемое нами выражение фиксирует сходство с «бабой» по одному лишь частному признаку: *Норовит корявой лапой / Ухватить за сиську, / Ухмыльнулся баба-бабой Страхолюдный Митька* [А. П. Платонов. Песня «На зеленой, на поляне...» (1919–1922)]. Здесь сравнение мужчины с бабой основано только на одном мимическом проявлении – на сходстве улыбки (ухмылки). В других случаях (и они явно преобладают) редупликативное выражение «именительный+творительный» используется для выражения «глобального» сходства, похожести буквально во всех аспектах и по всем признакам, ассоциативно закреплённым в языковом коллективе за «бабой»: *Я мягкая, добрая, уступчивая, неконфликтная, нецелеустремленная, нещеславная. То есть баба бабой. Ещё я очень благодарный читатель, который тупо и послушно идет за писателем, как осёл за морковкой, – так увлекаюсь. Очень часто бывает, что мы с мужем читаем один детектив, первым читает он, а потом я, и муж говорит: «Ой, Машуня, кажется, я уже понял, кто тут убийца»* [Заозерская Анжелика. Александра Маринина: «Я мягкая, добрая, неконфликтная – баба бабой» // Труд-7, 2010.02.25]. Важно отметить, что все признаки, по которым осуществляется сравнение, в данном случае эксплицированы: они представляют собой результат саморефлексии героини интервью.

Любопытно, что выражение *мужик мужиком* представлено в Национальном корпусе намного богаче и разнообразнее. Так же как и *баба бабой*, выражение *мужик мужиком* может быть употреблено и по отношению к мужчине, и по отношению к женщине.

Отметим «мужские» качества, которые подвергаются характеристике (в том числе образно-экспрессивной) посредством этого выражения:

1. Констатация внешних признаков, свидетельствующих о принадлежности кого-либо к мужикам как представителям общественного класса, т. е. к мужицкому сословию (а не к дворянству, купечеству, офицерству, интеллигенции и проч.): *Нет, нет – неправда, неправда! – К сожалению, правда: вот вы, молодой человек, по-видимому, принадлежите к интеллигенции, а посмотришь на вас – мужик мужиком: это потому, что подлинная культура вам не под силу; оттого-то вы и чудачите; вы себя представляете видеть сны: проснитесь...* [Андрей Белый. Серебряный голубь (1909)].

2. Темнота, необразованность, неотёсанность, неопрятность, неприспособленность к «городской» работе: *Я народ тоже сортирую, у меня с выбором каждый примет. Иной раз из дальней деревни выпишу, мужик-мужиком, стать у станка не умеет. Ничего, выучу, к делу определю, если только человек по разуму подходящий. Так мне каждый раз цену им менять не приходится* [В. Г. Короленко. Павловские очерки (1889–1890)].

Отметим, что приведенные примеры часто маркируют некое несоответствие внешних и поведенческих признаков человека – и его действительного положения в обществе. Выражение *мужик мужиком* как бы провоцирует противопоставление, которое чаще всего сопровождается отрицательной коннотацией: сравнение с мужиком явно не в пользу сравниваемого лица, поскольку внешние признаки «свиного рыла» вступают в противоречие с претензией оказаться в «калашном ряду»: *Со свиным рылом в калашный ряд... Только что вот богатый, денег много, а ежели подумать и разобратся, то мужик мужиком... (Перелистывает, книгу.) Читал вот книгу и ничего не понял* [А. П. Чехов. Вишневы сад (1904)].

Отмеченное противопоставление может быть, наоборот, связано с «приятным удивлением»: столь высокий статус у человека, а как просто держится, как непритязательно выглядит. Подобные контексты в художественной литературе весьма многочисленны, что свидетельствует о приоритете в русской национальной культуре внутренних качеств над внешними, души – над социальным статусом, подлинного – над наносным, кажущимся: *Зело честен и прямодушен, генералом был бы добрым, – непугливый старик... Афанасий вышел к Иевлеву – мужик мужиком, хоть и в шелковой, длинной, до колен, рубахе, нечесаный, хмурый. Сильвестр Петрович собрался было приложиться*

к руке, Афанасий совсем словно рассердился: – Брось, не для чего! [Ю. П. Герман. Россия молодая. Часть вторая (1952)].

3. Грубость одежды, обуви, отсутствие изящества и вкуса в манере одеваться, простота и практичность одежды: *Одеваются святогорец одинаково с соловчанином – то же грубое платье, та же неуклюжая обувь. Но последний перед вами является мужик мужиком. И ходит он приседая, и лапища у него заскорузлая, и чрева нет (у мужика брюха не найдешь, оно ему не полагается). Святогорец же отрастил себе живот, а уж если истым монахом явится, так именно иконописным, с сухой складкой изможденного лица, с равнодушным, безучастным к страданию и радости своего ближнего, взглядом* [В. И. Немирович-Данченко. Святые горы (1880)]. Интересно, что соловчанин – «мужик мужиком» – противопоставляется святогорцу, который, конечно, «мужик», но только по внешним и несущественным проявлениям. Чтобы получить характеристику-клеймо «мужик мужиком», нужны более существенные признаки, чем одежда, в частности: большие, потрескавшиеся, жёсткие, натруженные руки («лапища заскорузлая»), худоба, поджарость («и чрева нет»).

4. Бедность и отсутствие способностей и интереса к получению богатства, к умножению собственного благосостояния: *Вы хорошо повели свое хозяйство, в тысячах стали... А я все-таки и теперь мужик мужиком... Ничего не умею, ничего не имею, одно только, что жена в ситцах ходит, да чай мы пьем по пяти раз в день... – А твои деньги?* [Г. П. Данилевский. Воля (1863)].

5. Грубость в общении, неумение выражать и сдерживать свои эмоции: *Женщина оказалась бойкой, а её муж трусливым. Хоть он был ответственный партийный работник, но проявил себя мужик мужиком и схватил графин с водкой, и закричал Сапожкову: – Пошли! Тут Сапожков в теще узнал кассиришу, которую обозвал сукой на танцах* [Юрий Петкевич. Явление ангела (2001)].

Нельзя не заметить, что выражение *мужик мужиком* отличается своеобразной «двойственностью»: с одной стороны, это логическая констатация черт, типичных для «настоящего» мужика», с другой стороны – образное выражение признаков, присущих персонажу и сближающих его с эталоном мужских качеств во внешности, в характере и поведении мужчины.

Интересно, что в восприятии того или иного персонажа признаки «мужиковатости» могут оцениваться и как положительные. Эта оценка связана с душевной крепостью и здоровьем, мужским достоинством, плебейской гордостью, нежеланием казаться не тем, чем он является на самом деле, уважением к самому статусу мужчины, мужика, добытчика и труженика: *Он никогда не хотел маскировать ни пробелов своего образования, ни недостатка хороших манер и всего того, что в его кругу считалось воспитанностью. Он любил повторять – и было трудно разобрать, из самоунижения или же, наоборот, из плебейской гордости: «я ведь мужик, мужиком родился, мужиком и умру». Кажется, что при коснувшихся матери столичных и общелитературных народнических ваяниях ему у матери это повредить не могло. В конце концов, натуры у них были явно несходные: более тонкая и глубокая у матери, более примитивно-здоровая и счастливая у отца* [В. М. Чернов. Перед бурей. Воспоминания (1953)].

При употреблении этого выражения по отношению к женщине выявляются следующие функции:

1. Констатация резкой перемены в облике женщины, метаморфозы, произошедшей с ее внешностью, чаще всего не в пользу внешнего вида женщины. Это преобразование, как правило, связано с утратой женственности, нежности, мягкости, изящества манер и, напротив, с появлением некоей мужиковатости во внешнем облике и ухватках – грубовато-прямолинейных, топорных: *Что, мол, из Большой стало. Была великосветская ingenue... а тут вдруг мужик мужиком. Эх, голубчик! С тех пор много воды*

утекло [П. Д. Боборыкин. Василий Теркин (1892)]. Опять налицо противопоставление: была «великосветская *ingenie* – стала «*мужик мужиком*».

Ту же функцию наблюдаем в примере: *А так как она с каждым годом всё больше и больше шла в кость, то и ставила мужу в большую заслугу, что он, несмотря на это, не только ни разу ей не изменил, но никогда ни на одну горничную завистливым оком не взглянул. – Что я такое – мужик мужиком! – открывалась она ключнице Платонидушке, – кожа на мне словно голенище выростковое, на руках – мозоли, на ногах – сапожищи! Ты думаешь, он этого не понимает?* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Пёстрые письма (1884–1886)]. Критически оценивая себя, героиня обобщает произошедшие с ее внешностью перемены посредством решительного сравнения с мужиком, усиливая полноту сходства редупликацией. Сравнение осуществляется сразу по целому ряду признаков: тело перестало быть мягким и женственным («*всё больше и больше шла в кость*»); кожа утратила свою нежность («*словно голенище выростковое*»); руки стали грубыми и мозолистыми от работы («*на руках мозоли*»); обувь не по размеру, она некрасива и груба («*на ногах сапожищи*»).

2. Смелость, решительность, выносливость в физическом труде, в норме не присущие женщине: *Я набоялась за свою-то жизнь – хватит! Я его скрывала, свой страх и робость, и стыд скрывала, что не такая была, как все, а бабы обо мне говорили: «Зинка – она храбрая, ничего не боится, мужик мужиком!»* [Сергей Залыгин. Комиссия (1976)].

Отметим некоторые аспекты проблемы исследования тавтологических сочетаний «N-1+N-5», которые кажутся нам наиболее актуальными и значимыми как в теоретическом, так и в сугубо практическом плане.

1. Было бы полезно (прежде всего с коммуникативно-прагматической точки зрения) рассмотреть особенности употребления конструкций разговорной речи, очень похожих по характеру экспрессии и являющихся, по существу, представителями одного образно-компаративного гнезда (термин наш – Е. О.): *баба бабой, баба и баба, баба да и только* и проч.

2. Представляется интересным также анализ связи подобных выражений с системой устойчивых сравнений русского языка (сравн. компаративные фразеологизмы *ангел ангелом – как ангел, как сатана, змея змеёй – как змея, свинья свиньёй – как свинья* и проч.

3. Актуален и вопрос об открытости рассматриваемой модели, о тех возможных ограничениях, которые налагаются на ее действие.

4. Единицы типа *баба бабой* употребляются как в авторской речи, так и в речи персонажей и в несобственно-прямой речи. Поэтому актуальной задачей представляется рассмотрение функций тавтологических полуклише в разных формах речи. По предварительным наблюдениям, в качестве основной выступает функция имитации живой разговорной речи.

5. Перспективны также следующие частные направления анализа: проблема синтаксических позиций, в которых чаще всего употребляются подобные выражения; их возможные синтаксические функции; знаки препинания, сопровождающие их употребление в текстах.

Список использованных источников

1. Melchuk, I. A. Phrasemes in Language and Phraseology in linguistics / I. A. Melchuk // Idioms: structural and psychological perspectives / Eds. M. Everaert et al. Hillsdale; Hove, 1995. – P. 167–232.
2. Емельяненко, Е. М. Существительные-сказуемые со значением отрицательной оценки / Е. М. Емельяненко // Русский язык в школе. – 1990. – № 5. – С. 73–76.
3. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1977. – С. 184–185.

4. Словарь современного русского литературного языка. – Т. 13. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1962. – 1516 с. [ССРЛЯ].

5. Мокиенко, В. М. Словарь сравнений русского языка / В. М. Мокиенко. – СПб. : «Норинт», 2003. – 603 с.

6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 02.09.2020.

Abstract. The article considers phraseologized tautological constructions formed according to the model N-1+N-5. The main features of such structures are revealed: tautology, evaluativeness, expressiveness, connection with the system of stable comparisons and metaphors. The main communicative and pragmatic functions of the constructions *баба бабой* and *мужик мужиком* determined by culturally significant values of the language collective are analyzed on the material of the National Corpus of the Russian language.

Keywords: evaluation, phraseologized constructions, tautological constructions, model, instrumental case, syntactically determined meaning, metaphor, stable comparison.

УДК 811.161.1'373:398.6

О. С. Орлова

РОЖДЕНИЕ В ЗАГАДКАХ РУССКОГО НАРОДА

Аннотация. Статья посвящена когнитивно-культурологическому описанию русских народных загадок о рождении и загадок русского народа, в тексте которых рождение используется для иносказательного описания различных объектов действительности. Основное содержание исследования составляет когнитивно-культурологический анализ рассматриваемых загадок. Проведенный анализ показал, что рождение в загадках русской традиционной культуры описывается как перемещение из одного пространства в другое, а с помощью рождения в загадочных текстах метафорически обозначается как появление живых организмов, так и изготовление различных артефактов или начало каких-либо явлений, событий и действий.

Ключевые слова: загадка, рождение, метафора, образ, когнитивно-культурологический анализ.

Загадка представляет собой уникальный словесный знак, который может описываться в разных аспектах – как фольклорный жанр, как текст, как единица речевой коммуникации, наконец, как образное языковое выражение высокой степени протяженности (об этом см. подробнее в: [1]). Так, загадка понимается исследователями как «иносказание или намеки, окольная речь, обиняк; краткое иносказательное описание предмета, предлагаемое для разгадки» [2, с. 506]; «текст, денотатом которого служит некоторый объект, в самом этом тексте явно не названный и исчерпывающим образом не описанный» [3, с. 283]; «ситуация, основанная на нарушении соотношения между структурами загаданного денотата и загадочного текста» [4] и др. В лингвистике приняты попытки построения модели загадки, основывающейся на представлении отгадки как определенного концепта, а загадочного текста как репрезентации его концептуальных, стереотипных свойств (см., например, [5]). В историко-культурологической, или культурно-семиотической парадигме, заданной в этнолингвистике В. Н. Топоровым, загадка рассматривается как культурно-языковое явление. Описание загадки, по В. Н. Топорову, построено на том, что ее исходный локус представляет собой некий текст, понимаемый как целое, а «отдельная загадка не более чем отпавший от сакрального целого тела его профанизированный член» [6, с. 472].